

# Сергей Жаворонков: В чем тайна «расцвета» китайской модели экономики?



ФОТО: УЛЬЯНА КИМВЕЛИКАЯ ЭПОХА

Сергей Жаворонков – старший научный сотрудник Института экономики переходного периода

На встрече с журналистом газеты «Великая Эпоха» Сергей Жаворонков, старший научный сотрудник Института экономики переходного периода, известный политэкономист, автор ряда исследований по проблемам институциональных ограничений экономического роста, региональной политики, политэкономии терроризма, согласился осветить вопросы, с которыми он столкнулся во время проведения исследования «О некоторых свойствах наблюдаемого китайского экономического роста».

– Сергей Владимирович, чем вызван Ваш интерес к китайской экономике? Насколько я знаю, Вы проводили исследования больше в области государственного регулирования российской экономики?

– Наша лаборатория занимается не только эконометрическими исследованиями, но и исследованиями связи институционального экономического развития того или иного региона или страны и экономического роста, то есть выявлением тех институтов, которые положительно или отрицательно влияют на экономический рост.

В данной работе нас интересовало влияние институтов на экономический рост в Китае. Например, мы увидели, что проблема миграции очень характерна для современного Китая.

Закономерен вопрос: а почему же китайцы стремятся уехать из Китая, если там так все хорошо? В экономических кругах очень популярны попытки объяснения китайского экономического чуда. Многие восхищаются им и считают, что те или иные элементы чуда можно позаимствовать.

Мы в своих исследованиях пришли к выводу, что экономическое чудо Китая базируется на

крайне низко оплачиваемой рабочей силе и плохих жизненных условиях. Настолько плохих, что кажутся чудовищными даже россиянину, не говоря уже о жителях Западной Европы. А мы рассуждаем о каком-то экономическом чуде, в то время как душевой ВВП Китая в 2,5 раза ниже, чем в России, и в 8 раз – в США.

– Как эти исследования могут быть полезны для тех, кто захочет иметь бизнес в Китае?

– Сейчас многие часто говорят о неприкосновенности собственности, но забывают при этом о неприкосновенности личности. Что, на мой взгляд, по приоритетности намного превосходит любые другие понятия.

Есть наглядный пример: в Советском Союзе была декларирована неприкосновенность вкладов населения с целью привлечения денежных накоплений в банки. Так вот, один нэпман немедленно отреагировал на это репликой: «А кто гарантирует неприкосновенность вкладчиков?»

Страны, которые не гарантируют неприкосновенность личности, обречены, могут попасть в некую ловушку. В реальности деньги смогут накопить наиболее обученные и передовые слои общества. Они же и будут стремиться выехать из страны с накопленным капиталом, если не получат соответствующих гарантий.

– Похоже, для китайской экономики проблема миграции действительно стоит очень остро.

– Я часто бываю в Канаде, и там наблюдал, что в современном Ванкувере более 40% населения – это выходцы из Китая, причем вполне обеспеченные. Это покажет, ведь при получении вида на жительство в Канаде при-

**Китай издавна был окутан мифами и легендами, что делало его загадочным и непостижимым для остального мира. И сегодня нелегко понять процессы, происходящие в китайском обществе. В современном мире популярны два мифа о Китае. Первый – об экономическом «чуде», о китайской модели развития. Второй миф о том, что дальнейшее развитие Китая невозможно без правящей роли коммунистической партии.**

меняется политика имущественного ценза, в отличие от США, где применяется политика образовательного ценза.

А это подразумевает покупку недвижимости в Канаде. Однако китайцы стремятся к этому, и я предполагаю, с чем это связано. Это отнюдь не связано с налоговыми ставками, это связано с гарантиями на жизнь и восходящим уже к нему правом на частную собственность.

– Не будет ли правильнее называть это бегством китайцев из страны? Ведь кроме стремления к материальному благополучию человек в обществе неразрывно связан еще и с социально-психологической сферой.

– Полностью согласен. Но все дело в том, что сбор любой информации в Китае значительно затруднен. Это позволяет Китаю давать блестящую экономическую статистику на протяжении многих десятилетий, хотя при этом он не может скрыть факты крайне низкого уровня душевого ВВП.

– В своей работе Вы проводите анализ развития китайской экономики. Можете коротко сказать, в чем его особенности?

– Мы в своих исследованиях в основном исходили из позиции удобства ведения предпринимательской деятельности в Китае, как со стороны резидентов, так и со стороны не резидентов и иностранных инвесторов.

Нас в меньшей степени заботили политика расходов китайского правительства внутри страны. Сегодня китайское правительство аккумулирует в огромном количестве бюджетные доходы в виде золотовалютных резервов или капиталов госкомпаний и ставит приоритетным вложение средств за рубежом. Это позволяет Китаю иметь влияние на другие страны, даже такие как США, в то время как эти деньги можно было бы потратить на развитие внутреннего рынка.

Но это явно не входит в приоритеты китайского правительства. Вообще забавно, когда российские коммунисты призывают заимствовать опыт Китая, они не имеют понятия о том, что в Китае отсутствует система всеобщего пенсионного обеспечения. Пенсионное обеспечение предоставляется только государственным служа-

щим. Хотел бы я посмотреть, как они заговорили бы, если бы сейчас пенсии по старости.

– А как Вы относитесь к мифу о китайском «экономическом чуде»?

– В Китае часто применяется практика, когда правительство хочет реализовать какие-то гигантские проекты, а народ должен затянуть пояса и терпеливо ждать отдаленного светлого будущего.

– Есть еще один миф о том, что развитие Китая невозможно без правящей роли коммунистической партии.

– Ответ на этот вопрос очевиден, как мне кажется. Коммунистическая партия у нас в стране прекратила свое существование в конце 80-х годов, однако народ от этого только выиграл. Так что этот миф не состоятелен.

В странах Восточной Европы, в

*Там, где значительная часть народа нищенствует, нельзя описывать ситуацию в категориях «расцвета».*

Монголии со сменой власти никаких катастроф не произошло, хотя многие в конце 80-х этого опасались. В то время также ходили мифы об угрозе всеобщего голода, распада хозяйственных связей, о войнах между всеми народами, о возвращении чуть ли не в первобытное состояние. Жизнь доказала, что это не так.

А вот возникавшие национальные конфликты в различных регионах, скорее всего, связаны не с распадом СССР, а наоборот, явились следствием национальной политики коммунистов. На мой взгляд, если коммунистическое правительство в Китае и перейдет к нормальной многопартийной системе, от этого не будет никаких социальных катаклизмов.

– Как Вы оцениваете отношения между Россией и Китаем?

– На уровне правительств двух стран отношения являются дружескими. Мы видим проявления этого со стороны российского правительства в предоставлении уникальных преференций правительству Китая, которые не даны никому другому.

Их невозможно рационально объяснить – такие преференции

обычно предоставляются на коррупционной основе. Мы помним, например, условия кредита «Роснефти» на покупку «Юганскнефтегаза» в 2004 г., предусматривавшие расчет нефтью по цене в несколько раз ниже мировой – и это в условиях роста цен на мировом рынке. Понятно, что эти контракты не выгодны российской стороне. Приходят мысли о том, что в этом задействованы чиновники, которых специально мотивировали и подвигли на подписание контракта.

Или взять попытки формирования экономических зон в Сибири и на Дальнем Востоке, фактически не подчиняющихся российскому законодательству, а регулирующих свою деятельность в рамках межправительственных соглашений.

– Многие россияне опасаются экспансии китайцев на Дальний Восток. Насколько она реальна?

– Если говорить о какой-либо угрозе со стороны Китая, можно говорить, подразумевая военную угрозу. Это пока не столь серьезно.

Но впрочем, мы видим угрозу от российского правительства – оно готово просто отдать российские территории. Когда Россия передала спорные острова на реке Амур, государство за это не получило ни копейки. Опять же не факт, что за это некие физические лица не получили прибыли.

Можно ли говорить о стремлении со стороны китайцев приобрести российское гражданство? То, что они пока не стремятся к этому в массовом порядке, означает, что пока их статус может изменяться и регулироваться российским правительством. Если говорить о долгосрочной перспективе, то при сохранении такого большого физического присутствия неизбежно устремление китайцев получить российское гражданство. Не думаю, что они будут полноценными гражданами при этом, имея родственников в Китае. Я, конечно, без особой радости смотрел бы на эту перспективу.

– Коррупционность в политике и экономике, о которой Вы говорили выше, может нанести России большой ущерб. В частности, сейчас много говорят об экологическом ущербе в результате приграничного торгoвли.

– Нужно отметить, что российский бизнес вторичен по отношению к государственному аппарату, к госчиновникам. Он зависим, подчинен, носит неформальный характер. Реальными собственниками многих бизнесов являются сами чиновники – в этих условиях у них нет стимула следить за соблюдением закона. Поэтому и стало возможным хищническое истребление лесов и бесконтрольный вывоз других природных ресурсов в Китай.